

Владимиру Петровичу Зинченко — 80

Юри Аллик, Талис Бахманн, Ааво Луук, Пеэтер Тульвисте

Юри Аллик — профессор, заведующий Институтом психологии Тартуского университета; член Эстонской Академии Наук.
Талис Бахманн — профессор Тартуского университета; *rector emeritus* Таллинского университета.

Ааво Луук — доцент Тартуского университета.

Пеэтер Тульвисте — *rector emeritus* и профессор Тартуского университета; член Эстонской Академии Наук; член парламента Эстонии 2003–2011.

Для абитуриентов 1960-х гг., сделавших свой выбор в пользу психологии, выбор университета не составлял уже большого труда. Поскольку Советский Союз был страной закрытой, то о поступлении в зарубежные университеты не было и речи, а в провинциальных университетах специализироваться по психологии нельзя было. Выбор пришлось сделать между двумя столичными университетами России. В Тартуском университете, основанном в 1632 г., регулярная подготовка студентов-психологов началась лишь в 1968 г., а чтобы защитить диссертацию, и позже надо было отправиться в одну из двух столиц — тем более после реформы порядка защиты диссертаций в 1976 г., существенно ограничившей и без того небольшие возможности защищать диссертации в периферийных университетах. Все нижеподписавшиеся выполнили свои кандидатские и/или докторские диссертации в Московском университете.

В здании факультета на Моховой (в то время проспект Маркса) встречались персонажи легендарные: Александр Романович Лурия, Алексей Николаевич Леонтьев, Блюма Вульфовна Зейгарник, Евгений Николаевич Соколов (список неполный). Казалось бы, на этом фоне человек, на целое поколение моложе названных, не имеет шанса стать легендарным. Вряд ли с нами будут спорить, если скажем, что одному человеку это всё же удалось — Владимиру Петровичу Зинченко. Кто иной мог бы, например, в накаленной атмосфере защиты докторской диссертации (таких защит ныне уже не бывает!) начать свое выступление в качестве оппонента с арабской поговорки: «Когда караван поворачивает, хромой верблюд иногда оказывается впереди»? И если бы кто-нибудь это все же сделал, то скорее всего это звучало бы неестественно. Для этого надо было быть В. П., *enfant terrible* советской психологии.

Одной из причин, почему мы решили поступить именно на психологию, было обязательное в то время в общественных науках бесконечное повторение марксистских истин, чего мы хотели избежать. Не лучше обстояли дела и в исторической науке. Эта наша надежда осуществилась лишь частично. Наиболее часто цитируемыми психологами в двух выходивших в СССР психологических журналах были — кто бы подумал! — Владимир Ленин и Карл Маркс! Вполне естественно, что студенты предпочитали слушать не тех, кто черпал свои знания из съездовских речей, а тех, кто излагал результаты изучения больных с повреждениями мозга и экспериментальных изысканий в лабораториях. На некоторых из нас оказала решающее воздействие вводная лекция, прочитанная осенью 1968 г. почти девяностолетним в то время профессором Тартуского университета Константином Рамулем. Смысл лекции сводился к тому, что единственным достоверным источником знаний о психике челове-

ка является эксперимент. Для наших молодых читателей уместно упомянуть, что ни одно переводное руководство по экспериментальной психологии, вышедшее в советское время, включая руководство под редакцией Поля Фресса и Жана Пиаже, не обошлось без нравоучительного предисловия, в котором говорилось, что на Западе лишь бездумно накапливают экспериментальные факты, поскольку обречены на теоретическую близорукость из-за незнания марксистской теории, которая одна была бы в состоянии объяснять накапливаемые факты.

Владимир Петрович в 1966 г. в неприлично молодом возрасте (ему было в то время 35 лет!) защитил докторскую диссертацию на тему «Восприятие и действие». Средний возраст защитивших докторскую в то время в СССР был на 20 лет выше. К тому же в данном случае речь шла не о толковании неких священных текстов, а о большом экспериментальном труде, в котором изучались внутренние, не видимые глазом действия, используемые детьми для узнавания формы предмета, который они видят глазом или осязывают рукой. В 1969 г. Владимир Петрович вместе с Н. Вергилесом опубликовал книгу «Формирование зрительного образа», которая самым решительным образом изменила путь многих психологов. В том же году Владимир Петрович читал в Тарту курс лекций, включивший в себя блестящие отрывки из этой книги. Он удивил молодых тартуских психологов, среди прочего, понятием «микрогенез», которое нам доселе было неизвестно, и дал великолепный обзор концепций как Выготского, Лурии, Леонтьева, Запорожца, так и Сперлинга, Гибсона, Грегори и других ведущих исследователей восприятия в мире. Для некоторых из нас открылся целый новый мир. Всякий, интересовавшийся зрением, пережил потрясение, узнав, что глаза человека находятся в постоянном движении. Кроме больших, видимых поворотов глазного яблока существуют микродвижения, которые можно регистрировать лишь при помощи достаточно чувствительной аппаратуры. Потрясающий факт состоит в том, что если удастся стабилизировать видимое человеком изображение также по отношению к этим малым движениям, то человек вовсе перестает видеть. Но в этой работе Владимир Петрович изобрел гениальный способ, как сделать стабилизированное изображение снова видимым. Для этого он и Вергилес построили миниатюрный «телевизор», который при помощи контактной линзы прикрепили к человеческому глазу. Это решение проблемы останется в списке героических достижений науки и сопоставимо лишь с тем, как Эрнст Мах при помощи оконной замазки сделал свой глаз недвижимым, чтобы различать между намерением двигаться и самым движением. В отличие от Маха, Зинченко сумел также измерять эти намерения (викарные действия).

У некоторых из нас эта книга не один год лежала на ночном столике в качестве источника вдохновения. Остается глубокой загадкой, почему английский перевод этой книги [Zinchenko V. P. & Vergiles N. Y. (1972). *Formation of visual images*. New York: Consultants Bureau, 1972; в оригинале 1969] заслужил столь мало внимания. По данным *Web of Science*, на нее ссылались лишь пару десятков раз. В таких случаях задуматься о том, что, может быть, метафора Ричарда Довкинса (Dawkins) о слепом часовщике даже лучше годится для описания развития науки.

Когда Ааво Луук в 1973 г. окончил Московский университет по кафедре Владимира Петровича, а Юрий Аллик — Тартуский университет, но написав дипломную работу под руководством Владимира Петровича, то никто не предлагал им работы в Тарту или еще где-либо. Оба они хорошо помнят тот день, когда набрались храбрости и отправились к Владимиру Петровичу, чтобы не очень церемониально попросить денег для развития психологии в Тарту. Мы не очень удивились, когда примерно через неделю Владимир Петрович в разговоре мимоходом упомянул, что нашел для нас грант во ВНИИТЭ (Всесоюзный научно-исследовательский институт технической эстетики). Задним числом это представляется чудом, но в то время мы верили во Владимира Петровича даже больше, нежели в Худини, который отличался способностью находить выход в безвыходных ситуациях. Без этого гранта, за которым следовали многие другие, развитие в Тарту экспериментальной психологии нового толка было бы невозможно. Понятно, что отчеты наших первых договорных работ отнюдь еще не были связаны с экспериментальными исследованиями. На это требовалось время. Владимир Петрович нас — надеемся, успешно — использовал в своей борьбе с информационным тупиком, в котором вся советская наука вынуждена была пребывать. Мы писали обзоры литературы по различным темам и очень гордились, когда удавалось собрать все существенные ссылки по этим темам — даже когда сами статьи вышли во второстепенных журналах. Как-то Владимир Петрович назвал один из составленных нами обзоров литературы тартуской телефонной книгой.

Когда Советский Союз стал разваливаться и Эстония приступила к восстановлению независимости, некоторые из наших московских коллег относились к этому скептически, считая наше стремление к самостоятельности смехотворным. Мы никогда не слышали, чтобы Владимир Петрович в начале девяностых годов или позже считал становление суверенитета Балтийских стран и бывших союзных республик величайшей геополитической катастрофой XX века. По меньшей мере в цифрах развитие эстонской науки в возобновленном самостоятельном государстве выглядит успешным. По *Essential*

Science Indicators (Thomson Reuters), на каждую научную статью, написанную эстонским ученым за последние 11 лет, ссылались 9,27 раза, что немного отстает от Венгрии (9,98), но опережает Португалию (9,12). Для сравнения: на статью работающего в Российской Федерации ученого за этот же период сослались в среднем 4,76 раза. Никто не может точно вычислить скрытый вклад Владимира Петровича в эстонскую психологию, но наша вера в его чуть ли не сверхъестественные способности за прошедшие годы не ослабела. Без лишней скромности можно сказать, что не будь влияния и помощи Владимира Петровича, психология в Эстонии не была бы сейчас такой, какая она есть.

Мы давно хотели показать нашему общему ментору и другу, что было сделано в Тарту с его помощью. Недавно нам удалось пригласить в гости Владимира Петровича вместе с Борисом Мещеряковым и Анатолием Назаровым. Надо сказать, что Владимир Петрович за эти годы ничего не потерял из своего несравненного умения анализировать, рассказывать, шутить. Опять было видно, кто из нас учитель и кто навсегда останется его учеником.

Александр Романович Лурия в своей автобиографии пишет о двух разных способах заниматься наукой. Классический способ является прежде всего экспериментальным и аналитическим, стараясь устанавливать универсалии, которые состоятельны по отношению ко всем рассматриваемым объектам без исключения. Ему противостоит романтическая наука, которая вместо того чтобы аналитически разрывать рассматриваемое явление на куски, старается описывать его в его феноменальном богатстве и уникальности. Лурия сам великолепно представлял и этот второй, гётевский способ заниматься наукой — чего стоят его книги о человеке с неограниченной памятью и человеке с поражением мозга, ставшие классическими. Хотя главной заслугой Владимира Петровича является возвращение к жизни инженерной психологии и технической эстетики, его сердце всегда принадлежало науке романтической. Об этом свидетельствует, среди прочего, его глубокий интерес к творчеству Мандельштама, Шпета и Мамардашвили. По-видимому, в этом и состоял наиболее значительный урок, преподанный нам Владимиром Петровичем, — телефонная книга, конечно, вещь полезная, но для понимания мира больше пользы от того, что человек замечает и ценит его красоту.

Желаем Владимиру Петровичу того же, чему он нас в первую очередь учил — мудрости и доброты. Умения рассказывать истории ему не занимать. Желаем, чтобы он еще долго обогащал мир рассказами, которые делают мир миром, в котором интересно жить.

Vladimir Petrovich Zinchenko 80's birthday

J. Allik, T. Bachmann, A. Luuk, P. Tulviste

J. Allik — Professor, Head of the Institute of Psychology at the University of Tartu, Member of the Estonian Academy of Sciences.

T. Bachmann — Professor at the University of Tartu, Rector emeritus of the University of Tallinn.

A. Luuk — Associate professor at the University of Tartu

P. Tulviste — Rector emeritus and professor at the University of Tartu, Member of the Estonian Academy of Sciences, Member of the Estonian Parliament 2003–2011.